

Из истории общественной мысли

© 1994 г.

А.И. ЧЕРНЫХ

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ (РЕФОРМЫ 1860-х ГОДОВ В РОССИИ)

ЧЕРНЫХ Алла Ивановна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Говорят, зачем нам понимание нашего прошлого, коль скоро мы порвали с ним, поскольку мы строим нашу жизнь на совершенно новых основаниях. Но тем самым мы игнорируем один наиважнейший момент в восторге и упоении от того, каким образом Реформа изменила русскую традицию, мы забываем о том, насколько эта «традиция» со своей стороны изменила Реформу.

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Представления о гражданском обществе, сложившиеся в Западной Европе к середине XIX в., включали в себя ряд принципиальных компонент: *автономия и свобода личности; договор*, определяющий характер формирования социальных отношений; *собственность*, являющая собой основу свободного заключения договора, фундамент личной и социальной свободы вообще; формы *общественности и общественного мнения*, связанных с усилением потенциала критики, просвещения и эмансипации [1]. Последующая трансформация этих установлений привела к пониманию его прежде всего как *рыночного и правового* организма, вдохновляемого либеральной идеологией; в такой традиции оно воспринимается в качестве особой, внегосударственной сферы существования социума. Иначе говоря, под гражданским обществом имеется в виду совокупность межличностных отношений и взаимодействий семейных, общественных, экономических, культурных, религиозных и других структур, на функционирование которых государство не оказывает довлеющего воздействия.

Настоящая статья — попытка рассмотреть возможности перехода от авторитарного к гражданскому обществу (вернее, создания его элементов) на опыте России 60-х годов прошлого столетия — эпохи великих реформ. Именно эти реформы открыли перед Россией новую, ранее неведомую перспективу строительства буржуазно-демократического государства. Однако она, увы, полностью не была актуализирована, отчего процесс довольно легко притормозился, маятник не обрел должной скорости и часы российской истории пошли рывками.

Итак, Россия первой половины XIX в. Известно, что «третье сословие» (возглавившее в западноевропейских странах борьбу за расширение функций гражданского общества путем вытеснения государственных институтов самостоятельными организациями) здесь выглядело чрезвычайно слабым, в связи с чем правомерно, пожалуй, говорить о специфической российской, небуржуазности. Вот почему мы сталкиваемся со своеобразным историческим парадоксом: отсутствие достаточно могущественного общественного слоя, готового руководить движением за радикальные преобразования, привело к тому, что эту миссию

взяло на себя государство, причем сверхцентрализованное, принявшее форму поистине неограниченного «самовластия». Отсюда и особая роль народа, которая так же, как и на Западе, была велика, но проявлялась иначе: огромная энергия, а самостоятельности, инициативы куда меньше, чем исполнения воли верхов, историческая ориентированность на царя, упования на единство с ним против правящей бюрократии.

Кроме этих объективных обстоятельств существовали и характеристические особенности национальной психологии, отмеченные П.А. Флоренским: самоедство, ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечты о покое и счастье, при этом непременно всеобщем, приводящие к самовлюбленности, безответственности перед культурой, кичливому унижению учителей и разнузданно-добродушной уверенности в превосходной широте, размахе, полноте «души» и «сердца» русского человека, в приятной невоспитанности воображающего, что дисциплина ума и поведения есть «узость», «сухость» и «односторонность» [2].

Небуржуазность российского общества, похоже, во многом предопределила в нем громадную весомость «мыслящего меньшинства» — примерно 1% населения — позже названного интеллигенцией, этого, по словам Н.А. Бердяева, «совсем особого, лишь в России существующего духовно-социального образования» (не случайно, видимо, даже сам термин нигде, кроме как у нас, так и не прижился), которому свойственны «исключительная способность к идейным убеждениям» и другие столь примечательные черты: «раскол, скитальчество, невозможность примирения с настоящим, устремленность к грядущему, к лучшей, более справедливой жизни» [3].

Этот предварительный социально-психологический набросок позволяет перейти к раскрытию самого существа нашей темы.

Осмысление проблем гражданского общества в России было обусловлено проникновением в страну — конец XVIII в. — философских и политических идей Просвещения, система которых может быть определена как «юридическое мировоззрение» (выражение, введенное Ф. Энгельсом и К. Каутским), присущее восходящей буржуазии и являющееся продуктом секуляризации теологического восприятия реальности.

На отечественной почве это мировоззрение преломилось по-разному: если идеологов самодержавия воодушевлял идеал разумного законодателя, просвещенного монарха, то для революционеров — от А.Н. Радищева до декабристов — главным были священные права человека и гражданина, а также контрактная (основанная на договоре руссоистского типа) модель гражданского устройства, но базирующаяся на правах собственности и личной независимости.

Трагический исход восстания декабристов, воспринятый как поражение «абстрактного разума», на долгое время положил предел мечтаниям о политической свободе индивида. Надежда на великое обновление мира посредством просветительских принципов уступила место разным формам преклонения и примирения с действительностью (апологетом которой оказался и В.Г. Белинский), а разочарование «юридическим мировоззрением» привело к увлечению социализмом, в коем стали усматривать наиболее прогрессивные идеалы человечества («русский социализм» А.И. Герцена). Заметим, что это явно преждевременное увлечение в условиях отсталой страны явилось впоследствии одной из главных помех на пути утверждения правовой культуры — необходимой составляющей гражданского общества.

После 14 декабря 1825 г. русское общество «обезлюдело», тут произошли скорые и губительные перемены, и в первую очередь, согласно Герцену, пал его нравственный уровень [4]. В этом «обезлюдевшем» обществе отсутствовало общественное мнение. Идейным обоснованием николаевского режима стала уваровская триада «православия, самодержавия, народности», канонизировавшая покорность, терпение, послушание властям. Как официальный идеолог С.С. Уваров, развивая идею национальной исключительности и имперского преимущества России, довел до крайности принципиальное политическое и идейно-культурное неприятие европейства. Привычному для общественного сознания историко-культурному сопоставлению российских и западноевропейских социальных институтов на смену пришло и глубоко укоренилось их *противопоставление* — провозглашение особого русского пути.

Противопоставление России и Европы, сформулированное и внедрявшееся в массы царскими идеологами Сперанским, Блудовым, Уваровым, приняла и либеральная об-

щественность, правда, в превращенной форме: взамен казенного тезиса о превосходстве над Европой ею выдвигается положение об изначальной, метафизической отсталости страны. Споры по поводу «превосходства» или «отсталости» составляли главное содержание идейной жизни 30-х годов. И как раз на базе антитезы «Россия — Европа» возникают разновидности раннего российского либерализма (западничество и славянофильство) [5] ярким представителем которого являлся Б.Н. Чичерин. На его взглядах важно остановиться.

Ядро политического кредо Чичерина — апология государства как основного двигателя и творца истории. Оно для него — высшее развитие человеческого прогресса и воплощение нравственности, единства народа, территории и верховной власти. История по Чичерину — закономерный процесс государственного совершенствования, которое венчает создание гражданского, т.е. буржуазного общества. Все прочие формы государства он полагал лишь переходными от средневековья к новому времени. Государство основывается на «чисто государственных началах», что означает несовместимость с сословным строем, классовыми и социальными противоречиями, любыми проявлениями анархии, розни, произвола и господства стихии.

Поддерживая самодержавие как инструмент реформаторской политики, Чичерин разработал план практических действий, изложенный им в публицистических произведениях второй половины 50-х годов. Он ратовал за ликвидацию феодальных пережитков, отмену крепостного права, поощрение предпринимательства, формирование частной собственности в самом широком смысле слова, обеспечение гражданских и политических свобод, отказ от самодержавия в пользу конституционной монархии.

В качестве основоположника «государственной школы» в российской историографии (к которой принадлежали также К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев), Чичерин выдвинул знаменитую теорию *закрепощения* и *раскрепощения* сословий, ставшей для либералов одной из важнейших опор в идейной борьбе. Суть этой теории сводилась к признанию известной необходимости первого, вследствие неблагоприятных внутренних и особенно внешних условий существования русского народа на ранних этапах истории, и постепенного обращения ко второму по мере того, как эти условия менялись к лучшему.

Во времена Чичерина не было трудов, в которых до такой степени возвеличивалось бы государство. Народная стихия, предоставленная самой себе, проявлялась, по его мнению, лишь в бесплодном анархическом разгуле. С юношеских лет он испытывал острую неприязнь к «толпе», ему в равной степени были чужды и широкое революционное движение, и то учение, которое претендовало на самое полное выражение чаяний масс — социализм. Видимо, не последнюю роль сыграло усвоенное с детства патрицианское презрение к демосу как к стихийному, слепому, разрушительному началу. Но кроме психологических существовали и рациональные основания, сказавшиеся на всем мироощущении мыслителя. Раньше, чем кто-либо из идейных соратников, Чичерин осознал, насколько глубока пропасть между программными требованиями «передовой общечеловечности» и реальными интересами народных слоев. Из этого он сделал соответствующие выводы: ей не приходилось мечтать о массовой опоре, а всякие попытки опереться на демократию опасны и даже преступны; подлинной силой, способной провести преобразования в нужном духе, выступает власть, посему либералы должны настойчиво искать подходы, позволяющие направить ее в нужное русло. Только «либеральной партии» (так Чичерин обозначал свободомыслящую часть общества) дано возвышать свой голос, подказывая правительству самые разумные и безопасные способы их претворения в жизнь. Оттого, думается, расхожее представление о Чичерине как апологете абсолютизма не соответствует действительности: будучи противником власти «толпы», т.е. демократической республики, он неизменно отстаивал конституционную монархию. Приверженность же самодержавию определялась в той мере, в какой оно спешествовало реформам и развитию буржуазных отношений в стране, обеспечивая этим самым приближение конституционного строя. Совершенно очевидно что его «государственничество» было отражением социальных реалий.

В общественном движении 1850-х годов — на историческом переломе, в преддверии реформ — Чичерин вместе с К.Д. Кавелиным и Н.А. Мельгуновым возглавил русский либерализм, первую программу которого он сформулировал в статьях, опубликованных А.Н. Герценом в «Голосах из России». Чичерин заявлял, что пришла пора сделать решительный шаг вперед по стезе освобождения народа, «искупившего свои анархические стремления» многовековым подчинением железной государственной дисциплине и тем доказав-

шего «способность к политической жизни», что необходимо окончательно «раскрепостить сословия», провозгласив свободу от крепостного положения, свободу совести, свободу общественного мнения, свободу книгопечатания.

Такая программа вполне соответствовала духу времени. Вместе с тем здесь отражалась политическая ориентация ее автора — единственным созидательным орудием предстает самодержавно-бюрократическое государство, к которому и обращены главные надежды. Все намеченные реформы рассматривались как «предмет попечения просвещенного правительства», проводящего их «сверху», под своим строгим контролем. Народу же вменялось сохранять покой, поддерживать дисциплину, не проявляя чрезмерной самостоятельности.

Сия «проправительственная» тенденция шла вразрез с настроением подавляющего большинства идеологов либерального лагеря: эпоха «розовых надежд» на мирное переустройство всего общественного бытия в буржуазном духе повергла их в состояние эйфории, выразившееся в переоценке своих сил и возможностей воздействовать на ход событий. Этим объяснялись и конфликты Чичерина с потенциальными единомышленниками: в 1857 г. редакция «Русского Вестника», признанного тогда глашатаем либерализма, отказалась печатать уже объявленную чичеринскую статью (о книге А. Токвиля «Старый порядок и революция»), в которой защищался бюрократический централизм — основной принцип государственного устройства Франции со времен Великой революции — от критики французского публициста.

Решительность своей позиции Чичерин ярко продемонстрировал в 1858 г., выступив против герценовского «Колокола», находившегося на вершине популярности и вызывавшего одобрение у многих русских либералов. Познакомившись с Герценом во время зарубежной поездки, он с первой же встречи завязал с ним спор о предстоящих в России реформах, о том, по какому образцу их нужно готовить и к чему они должны привести. Этот спор, в котором Чичерин произвел на Герцена сильное впечатление (и, кстати сказать, получил от него имя «Сен-Жюста бюрократии»), продолжался в частной переписке. Когда же Герцен в одной из своих статей, не указывая имен, повел разговор о «прямолинейных доктринах» и «либеральных консерваторах», Чичерин почувствовал себя задетым и ответил резким письмом («Колоколом» же опубликованным), обвиняя оппонента в разжигании нездоровых страстей, требуя от него «обдуманности, осторожности, ясного и точного понимания вещей, спокойного обсуждения цели и средств» [6]. Это было первое в «эпоху реформ» публичное выступление либерала против «революционных крайностей».

«Обвинительный акт» (так называлось письмо) вызвал кучу протестов, в том числе и в либеральном лагере — со стороны К.Д. Кавелина, П.В. Анненкова, И.С. Тургенева, И.К. Бабста и других, которые корили Чичерина и за «искажение истины», и за резкость тона. Лишь пережив российскую революционную ситуацию конца 1850-х — начала 1860-х годов и восстание 1863 г. в Царстве Польском, тогдашние критики заняли по отношению к революции и демократии позицию, очень близкую той, на которой изначально находился их более дальновидный соратник.

Чичерин в своих статьях, письмах сформулировал основной мировоззренческий принцип, который называл «охранительным либерализмом» и считал исключительно плодотворным для России: «либеральные меры и сильная власть». Обстановку же, сложившуюся после отмены крепостного права, он оценивал диаметрально противоположно: «стеснительные меры и слабая власть», а это, по его разумению, неизбежно порождает анархический разгул.

Столь значительное внимание воззрениям Б.Н. Чичерина нами уделено не только потому, что ему принадлежит заслуга осмысления российских буржуазно-демократических преобразований — этих начальных шагов к гражданскому обществу. Политическое чутье позволило общественному деятелю предвидеть основные, оказавшиеся неразрешимыми трудности, с которыми столкнулись реформы свыше 100 лет назад. Его соображениями не следует пренебрегать и сегодня, когда вновь и вновь обнаруживается потребность в четко и конкретно разработанном пути переустройства нашего общества, как и настоятельная необходимость для реформаторов находиться на твердой почве исторической реальности¹. Перейдем от теории к практике реформ.

¹ Более подробно о взглядах Чичерина и их современных интерпретациях см.: Пул Р.А. Человек и гражданское общество в истории социальной мысли // Социол. исслед. 1991. № 9.

Конец 1850-х - начало 1860-х годов в России — период крупных преобразований экономического и политического строя, проходивших в условиях революционной ситуации Революция «снизу» не состоялась именно потому, что ее предотвратила революция «сверху» - радикальные реформы: экономическая — перемена общественно-хозяйственной структуры в частности освобождение крестьянства («Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г.); политическая - преобразование управления (земская, городская, судебная, военная реформы); в области образования и культуры — реорганизация высшей школы (новый Университетский устав 1863 г.); изменение цензурных требований («Временные правила», принятые 6 апреля 1865 г., в этот день в России впервые появилась должность «ответственного редактора», отвечающего перед властью за уже напечатанное).

Укажем на некоторые общие особенности этих реформ. Во-первых, их одновременность — «прорыв» произошел на всех основных «фронтах» общественной и социальной жизни. Во-вторых, «параллельность» уступок на «крестьянском» и «демократическом» фронтах. В-третьих, и самое главное, эти реформы проводились «сверху», в расчете на поддержку «молчащего», но ждущего народа, и интеллигенцию против воли собственно бюрократического аппарата (характерно, что они готовились тайно). Последний момент принципиально важен, так как показывает, что в определенные исторические эпохи верхняя власть, пусть даже такая консервативная и самодержавная, прогрессивнее, объективно лучше среднего звена, ибо глубже понимает интересы общества, нежели правящий класс, эгоистически ограниченный и недалевидный.

Конкретный же анализ начнем с крестьянской реформы. Сразу оговоримся, что освобождение крестьян скорее имело политические, а не экономические причины: специалисты подсчитали, что еще лет 50—70 крепостное право, тормозя экономическое развитие, все же не довело бы страну до полного голодного краха, поскольку большинство хозяйств были середняцкими. Буквально с момента учреждения тайной полиции — печально знаменитого III Отделения императорской канцелярии — ее начальник граф Бенкендорф в ежегодных отчетах царю постоянно подчеркивал, что крестьяне «ждут своего освобождения, как евреи своего мессии» [7, с. 9]. В отчете за 1839 г. прямо говорилось: «...Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же... 3-е отделение, от имени здравомыслящих людей, рекомендует начать постепенную реформу крепостного состояния путем законодательного определения размеров барщины и оброка в разных областях государства» [7, с. 344].

«Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», предоставило сельскому сходу, то есть крестьянскому миру, весьма широкие полномочия: выборы сельского старосты и других должностных лиц, исключение из общины и принятие новых членов, разрешение семейных разделов, распоряжение мирской полевой землей и общинными угодьями, раскладка податей и повинностей между крестьянами, осуществление мер по взысканию недоимок, рассмотрение дел по отбыванию рекрутской повинности, установление сборов на мирские расходы, выдача ссуд и пособий нуждающимся, назначение опекунов малолетним, подача жалоб и прошений, связанных с общественными нуждами.

Земли, отведенные в надел крестьянам, не становились собственностью ни отдельных крестьян, ни крестьянского мира, а находились как бы в залоге у государства. При освобождении правительство уплатило помещикам значительную сумму «выкупов», и теперь крестьяне обязывались ежегодными взносами в течение 49 лет вносить в казну эти «выкупные платежи». Они были отменены манифестом 3 ноября 1906 г., а вскоре крестьяне получили право требовать закрепления их земельных наделов в личную собственность.

Основным органом крестьянского самоуправления служили сельский сход и избираемый им на три года сельский староста. Несколько сел образовывали волость. Волостной сход составлялся из выборных — по одному из каждых десяти дворов. Он избирал волостное правление, в которое входили волостной старшина, его помощник и писарь, а также волостной суд, насчитывавший от 4 до 12 судей, из которых в заседаниях должно было участвовать не менее трех. Избранные сходом должностные лица утверждались сначала так называемыми «мировыми посредниками», назначаемыми губернатором; в 1874 г. эта должность была упразднена, и крестьяне перешли в ведение уездных и губернских «по крестьянским делам присутствий», которые являли собой органы административной власти, но с участием выборных представителей крестьянского самоуправления.

Здесь мы подошли к весьма важному для России вопросу — о крестьянском мире. Для либералов-славянофилов община была исконным и самобытным созданием «русского народного духа». Вот как писал об этом К.С. Аксаков: «Мир по существу своему есть самозаконное, верховное явление народа, вполне удовлетворяющее всем требованиям законности, общественного суда, общественной правды, одним словом, общественной воли». И далее: «Община представляет нравственный хор, и как в хоре не теряется голос, но, подчиняясь общему строю, слышится в согласии всех голосов, так и в общине не теряется личность, но, отказываясь от своей исключительности для согласия общего, она находит себя в согласии равномерно самоотверженных личностей» [8].

Объективности ради следует четко различать понятия поземельно-передельной общины, введенной в XVIII в. по инициативе помещиков и государства под влиянием подушной петровской подати, и крестьянского мира, как издревле существовавшей системы самоуправления и общежития на селе. Первая была сильнейшим тормозом хозяйственного прогресса и главной причиной бедности крестьян. Мир же содержал в себе элементы демократии, солидарности, взаимопомощи и преданности общему делу. Закрывая краткую характеристику крестьянской общины, напомним слова Пителима Сорокина: «Под железной крышей самодержавной монархии жило сто тысяч крестьянских республик» [9].

Касаясь же политических реформ, обратимся сперва к анализу земского и городского самоуправления.

До эпохи преобразований мало кто серьезно заботился об удовлетворении бытовых и культурных нужд низших слоев населения, особенно сельских. В селениях казенных крестьян начало народному образованию и медицинскому обслуживанию положил министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев, но в помещичьих имениях школа или больница оставались величайшей редкостью.

После крестьянской реформы необходимо было создать особые государственные органы, которые взяли бы на себя функции, направленные на повышение бытового и культурного уровня людей, и 1 января 1864 г. издается «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». По закону к их ведению относилось: заведение имуществом и капиталом земств, устройство и содержание местных путей сообщения, меры по обеспечению народного продовольствия, благотворительность и «попечение о построении церквей», страхование имущества, развитие местной промышленности и торговли, забота о народном образовании и здравии, исполнение потребностей воинского и гражданского управления (например, подвойная и постоянная повинности), участие в доставке почты по деревням, раскладка, взимание и расходование земских денежных сборов, представление правительству сведений и ходатайств о сельских нуждах, выборы исполнительных органов.

В 34 губерниях, где были введены земства, общее число уездных земских гласных устанавливалось в 13 тысяч, из которых 6200 избиралось землевладельцами, 5200 — крестьянскими волостными сходами и 1600 — городскими обществами. Председательствовал в уездном земском собрании уездный предводитель дворянства. «Земские учреждения, в кругу вверенных им дел, действуют самостоятельно», — так гласил закон. Однако губернатор мог приостанавливать действие всякого постановления оных, «противного законам или общим государственным пользам». Земство имело право обжаловать это решение в Сенате, которому и принадлежало последнее слово.

Значительная работа осуществлялась земством по развитию сети народного образования. В частности, расходы на него с 2 млн. руб. в 1871 г. поднялись до 5 млн. в 1881 г., достигнув в 1901 г. 17 млн. К 1912 г. усилиями прежде всего земств школы посещало более половины детей школьного возраста, а во многих уездах — и все дети. Словом, происходил медленный, но неуклонный рост числа грамотных — с 6% населения в 60-е годы до 25—30% перед Октябрьской революцией.

Столь же важные шаги предпринимались земством по улучшению, вернее, созданию сети медицинского обслуживания селян. До введения земских учреждений деревня вообще не знала научной медицины, пользуясь услугами «бабок» и знахарей. К концу XIX в. тут было уже 300 земских больниц с 40 тыс. коек, 2,5 тыс. врачей и около 8 тыс. лиц, составлявших средний медицинский персонал.

Чем дальше, тем большее значение обретало самоуправление не только на селе, но и в городах.

В соответствии с «Городовым положением» главным органом городского самоуправления являлась дума, состоящая из выбираемых на 4 года гласных — не менее 30 человек,

которые выбирают городского голову и членов управы (не менее двух). Городской голова уездных городов утверждался губернатором, губернских - министром внутренних дел. Цензовое избирательное право позволяло управление делами малого города сосредотачивать преимущественно в руках зажиточного купечества, а вот в думе крупного города широко была представлена и интеллигенция. Так, по воспоминаниям видного московского земского деятеля Н.И. Астрова, «сотрудничество буржуазии с интеллигенцией и высокий профессиональный уровень постоянных городских служащих, носивших, в отличие от государственных служащих и выборных членов думы название "третьего элемента", ослабляли неблагоприятные последствия ограниченного избирательного права и в известной степени компенсировали отсутствие подлинного народного представительства. Сотрудничество деловых кругов с представителями образованных и прогрессивных элементов стало отличительной чертой многих учреждений городского самоуправления» [10].

Городское самоуправление отражало общую неравномерность развития городов. В столицах и некоторых южных городах — Киеве, Одессе, Харькове, Ростове, Екатеринославе ощущался быстрый рост численности жителей, заметный прогресс городского хозяйства, общественного благоустройства: на рубеже XX в. появляются электрическое освещение, трамваи на электрической тяге, водопровод, канализация, технически оснащенные скотобойни, создается сеть общих и специальных школ, строятся больницы и приюты, библиотеки, читальни, театры, музеи. Тогда как в маленьких уездных городках население по-прежнему ведет сонную полусельскую жизнь.

Естественно, что земства — уездные и губернские, а также городские думы — эти первые выборные не только дворянские, но и буржуазные, интеллигентские, крестьянские учреждения, несшие в себе зародыш конституции, являли собой максимум того, на что могла пойти абсолютная монархия в 1860-е годы, стремившаяся всячески сузить поле их деятельности.

Значительный след в общественной жизни оставила судебная реформа, пожалуй, самая последовательная из всех тогдашних реформ, ибо на ней «сошлись» несколько линий, идущих с разных сторон. Не желая «всероссийской думы», самодержавие уступило, как ему казалось, в «менее важной», к тому же скандально запущенной сфере. Либералы настойчиво требовали европейски организованного суда, исходя из своих давних идейных установок. Помещики-крепостники, во многом утратив власть над крестьянами, хотели бы компенсировать эту потерю в более или менее независимых от верховной администрации органах — земствах и судах.

Эта реформа серьезно ограничивала абсолютизм и создавала институты, могущие обеспечить правовой строй. Согласно «высочайше утвержденным» 29 сентября 1862 г. «началам» провозглашались следующие принципы нового судопроизводства:

- независимость суда от административной власти;
- открытое и гласное судопроизводство, ликвидация канцелярской тайны;
- состязательный процесс с участием сторон;
- введение суда присяжных;
- упразднение отдельных «сословных» судов.

В соответствии с установлениями, принятыми 20 ноября 1864 г., цель реформы — создать «суд, скорый, правый и милостивый, равный для всех», повысить авторитет судебной власти и укрепить в народе уважение к закону. Она дала гражданам свободу от судебного произвола, взяточничества и волокиты, отменила бесчеловечные и жестокие наказания, утвердила профессионально квалифицированный и заботившийся о сохранении законности триумвират «магистратуры (собственно судей), прокуратуры и адвокатуры».

Особое значение имел для России суд присяжных, ставший еще одним шагом в развитии европейской правовой культуры. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая российский проект устава уголовного судопроизводства с законодательством европейских стран писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ», относительно же суда присяжных отмечал, что в нем «несравненно менее заметна подражаемость предписаниям французского законодательства... напротив того, он гораздо более держится английского образца, хотя и с этой стороны далек от слепого подражания» [11]. Важное его отличие по мнению специалистов, определялось введением служебного ценза: независимо от уровня дохода или жалования в списки присяжных заседателей включались все гражданские чиновники с V по XIV класс, все выборные служащие городских и дворянских учреждений, а также крестьяне, занимавшие не менее трех лет выборные должности сельских

старост, старшин и др. Из цензовых списков по жребию избирались присяжные данной местности на ближайший год. Очевидно, что такого рода суд был в наивысшей степени демократичен, внося в заседания «дух улицы».

В том же направлении — демократизации общества — работал и новый Университетский устав 1863 г., которым расширялась автономия университетов в административной и хозяйственной сферах, закреплялось право студентов и преподавателей самим решать научные проблемы, объединяться в кружки, ассоциации, отменялись вступительные экзамены, но более строгими делались выпускные (реальная борьба за качество преподавания!).

Основной принцип университетской реформы сформулировала прогрессивная профессура, прежде всего петербургская — Кавелин, Пыпин, Стасюлевич, Бекетов, Спасович, Костомаров, Утин: «Необходимо освободить университетское преподавание от всех стеснений, мешающих его влиянию на молодые умы». Вновь было разрешено преподавание философии в университетах, запрещенное в 1849 г. по докладу министра просвещения графа Ширинского-Шихматова, утверждавшего, что «польза от преподавания философии не доказана, а вред возможен». Тогда же был приостановлен курс государственного права европейских стран. Резолюция Николая I на министерском докладе с этим предположением гласила: «Дельно, и не возобновлять; совершенно лишнее» [12].

В связи с университетской автономией возник в ту пору интересный спор, актуальный и сегодня. Представители власти (в частности, член разных реформаторских комиссий М.А. Корф) считали, что студентам надо только учиться и получать знания. Подоплеку этой идеи сразу же зафиксировали лучшие профессора, которые возразили, что цель университетов состоит отнюдь не в формировании говорящих машин, но прежде всего — в создании граждан; а гражданин — это и знания, и общественные чувства.

Определенные изменения произошли и в области печати, связанные с заменой жесткой предварительной цензуры на ее смягченный вариант — чтение «вдогонку». Хотя цензоры по-прежнему просматривали перед выходом все сравнительно массовые, для народного чтения издания, как и широко распространяемую периодику, однако большая часть книг и периодических изданий подвергается цензурированию лишь после выхода («Карательная цензура»).

Позже всех — в 1874 г. была законодательно оформлена военная реформа, согласно которой многолетняя рекрутчина заменялась всеобщей воинской повинностью, и резко сокращались сроки службы. Важные нравственные перемены, пусть и происходившие медленно, привносила она в военно-учебные заведения, где больше появлялось «милютинцев» (по имени проводившего военную реформу министра Д. Милютина). Гуманность, знания — все то, что поганой метлой изгонялось из николаевской армии, начинает постепенно возвращаться в нее. Свидетельство этому — характерная черта милютинской политики: бережное отношение к интеллигентной молодежи: стремление не только перевоспитать при помощи «армейской лямки» университетских «умников», но и поучиться у них.

Историческим результатом реформ 1860-х годов, даже половинчатых и непоследовательных, стало значительное отделение общества от государства, явное преобразование российской действительности. Они определили тип общественного бытия на несколько десятилетий, по крайней мере до 1905 г. Но в силу того, что носили характер революции «сверху», так и не получили должного закрепления и продолжения. Основная причина — нежелание правительства действовать заодно с обществом. Временно, под давлением тяжелых поражений власть подключает общественность к своим начинаниям и тут же испарывает свой порыв.

«Верхушечные» преобразования особенно в такой «государственной» стране, как Россия, обязательно требуют постоянной и растущей поддержки «снизу», их неуклонного углубления, создания систем обратной связи (гласность, демократия), позволяющих эффективно координировать политику с жизнью. Именно в этом для нас состоит главный урок великих реформ прошлого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schafers B.* Bürgerliche Gesellschaft // Grundbegriffe der Soziologies. Hr. von Bernhardt Schafers. 2., verb. Aufgabe. Opladen. 1989.
2. *Флоренский П.А.* Философская антропология // Собр. соч. в 2-х томах. Т. 2. М. 1990. С. 34.

3. *Бердяев Н.А.* Русская идея // *Вопр. философии.* 1990. № 1. С. 90.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы. В 3-х томах. Т. 1. М.-Л.: Академия, 1932. С. 47.
5. *Соловьев СМ.* Записки // *Вестник Европы.* 1907. Май. С. 41—44.
6. *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1991. С. 192.
7. Крестьянское движение в 1826—1849 гг. Вып. 1. М., 1931.
8. *Аксаков К.С.* Сочинения. Т. 1. М., 1881. С. 292.
9. *Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985. С. 60.
10. *Astrov N.I.* Municipal Governments and the AN-Russian Union of Towns. New Haven. 1929.
11. *Миттермайер К.* Новый проект русского уголовного судопроизводства // *Журнал Министерства юстиции.* 1864. Т. 22. С. 16.
12. *Рождественский С.В.* Исторический образ деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902. С. 256.